

Идеал цельного знания как принцип устройства науки и общества: взгляд в 4338 г. из начала XXI века¹

*Пирожкова С. В.,
Институт философии РАН,
pirozhkovasv@gmail.com*

Аннотация: В работе анализируется модель организации научной деятельности и социального порядка, представленная в неоконченном романе В. Ф. Одоевского «4338-й год: Петербургские письма». Показывается, что роман имеет футурологический характер и отличается футурологической успешностью. Подробно разбираются методологические принципы, артикулируемые Одоевским и позволившие ему предвосхитить общее направление развития организационных форм научной деятельности, ряд концептуальных сдвигов в понимании сути научного познания, а также ряд социальных нововведений. Проводится сравнение используемых Одоевским приемов предвосхищения будущего и методологического инструментария классической футурологии и современных исследований многовариантного будущего (Futures studies). Обосновывается, что, поскольку Одоевский конструирует свой футурологический сценарий в ответ на выявленные им ранее противоречия в развитии науки и общества модерна, этот сценарий имеет не только прогностическую, но и утопическую ценность — в качестве идеальной модели устройства науки как познавательной деятельности и общественного института, способного дать жизнеспособные принципы организации общества в целом.

Ключевые слова: В. Ф. Одоевский, цельное знание, наука, общество, футурология, специализация, утопия, поэзия, философия.

Идеал цельного знания и современный контекст интеллектуального поиска. Концепт цельного знания — один из краеугольных камней русской дореволюционной мысли, пусть и получивший свое название лишь в начале XX в. в философии Вл. Соловьева. Он рождается как альтернатива познанию, во-первых, ориентированному исключительно на разум, даже, точнее, на рассудок, исключающему веру и чувство, а также деятельную жизнь как проводников знания, и, во-вторых, основанному на противопоставлении субъекта и объекта, познающего и познаваемого, или, если использовать не только теоретико-познавательные, но и онтологические концепты, человека и мира, сознания и бытия. «Европейское» знание трактуется в рамках этой гносеологической традиции как одностороннее и ущербное, а значит, ему на смену, по мысли русских мыслителей,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-00134).

неминуемо должно прийти синтетическое знание, не чурающееся веры и чувства и как их формы — мистического опыта.

Формирование концепта цельного знания происходило в рамках славянофильского направления отечественной мысли, но само славянофильство опирается, как известно, на более ранние философские искания, связанные с кружком Любомудров, возглавлял который князь Владимир Федорович Одоевский. Для концепта цельного знания можно указать и еще более ранние, чем деятельность Любомудров, истоки, например, идею познающего сердца Г. Сковороды. Кроме того, представление о целостном познании, отрицающем доминирование рационального начала и предполагающем укорененность познания в бытии, присуща не только русской философской традиции, но и западной, где она также связана с религиозным мировоззрением, мистицизмом, а позднее — с философией жизни. Интеллектуальный поиск самих Любомудров опирался на искания немецкой мысли, где сосуществовали рационалистская традиция и романтическая.

Обозначенный дискурс продолжается и в наши дни, хотя, разумеется, в иных формах. Сегодня новые ценностные основания ищет и наука, и общество в целом. Причины такого поиска все те же, что и два столетия назад, — ограничения новоевропейского типа мышления, составляющего ядро как научной деятельности, так и социальной жизни. Романтизм, философия жизни, экзистенциализм, так же как русская религиозная мысль, отталкиваясь от этих ограничений, пытались прописать возможности иной формы познания и организации жизни. На те же ограничения указывает и ставшая расхожей формула, согласно которой современному обществу не хватает духовности. Нельзя не отметить, что рационализация все больше проникает в науку и через коммодификацию результатов научной деятельности, а также ее ресурсов, включая интеллектуальные, посредством которых эти результаты могут быть получены. Захватывая такие автономные области, как наука и искусство, рационализация в своей экономической форме, точнее форме капиталистической организации хозяйства, еще больше трансформирует и всю общественную жизнь, неся очевидные угрозы человеческой цивилизации. Наконец, рационализация находит воплощение в современных интеллектуальных технологиях, экспансия которых в повседневность и специализированную деятельность (в том числе научную) оптимизирует индивидуальную и социальную жизнь и ставит вопрос о том, чем же заполнять освободившееся время и как продолжать использовать интеллектуальные технологии в качестве инструмента, облегчающего человеческую деятельность, а не превратиться в необходимый элемент, позволяющий этому инструменту существовать (эдакий вариант роли Хайдеггеровского подстава для человека в его взаимодействии с искусственным интеллектом²). В силу всех перечисленных моментов современная ситуация делает крайне актуальным поиск альтернативных моделей социального устройства и организации научной деятельности. Такой поиск должен осуществляться не только путем

² Как совокупностью вычислительных технологий.

создания совершенно новых идей, но и путем возвращения и продумывания того, что уже было предложено.

Наследие В. Ф. Одоевского, со дня смерти которого в 2019 г. исполнилось 150 лет, интересно в этом контексте тем, что он кладет образ целостного познания в основу своих представлений об устройстве общества и науки будущего в неоконченном романе «4338-й год: Петербургские письма». Почему, однако, при решении обозначенных выше проблем развития общества и науки мы должны или даже просто можем обращаться к художественным произведениям, к каковым вроде бы относится и «4338-й год...»? И действительно ли это сочинение содержит идеи актуальные в современном контексте? Далее я постараюсь ответить на эти вопросы, указать и обсудить те идеи Одоевского, на которые сегодня стоит обратить внимание всем, кого волнует судьба науки, общества и культуры.

«4338-й год...» как футурологическое произведение и его методологические принципы. Социально-философский интерес к роману Одоевского оправдан, во-первых, тем, что речь идет не просто о фантазии или поучительной сказке, но о футурологическом произведении. Кратко поясним, что футурологическая деятельность отличается от научного прогнозного исследования по целям, методам и результатам. Она не ориентирована на получение как можно более точного и адекватного описания возможного/будущего положения дел, поэтому не требует широкой эмпирической базы и ее количественной обработки. Отчасти это продиктовано фактическим отсутствием необходимой эмпирической базы или невозможностью ее сконструировать ввиду неизвестности, какие факты (факторы) нужно брать в расчет. Такая эпистемическая ситуация складывается в случае с долгосрочным предвидением развития структурно и функционально сложных систем, к которым относится и человеческое общество. Поэтому социальное предвидение имеет форму не только прогнозного, но и футурологического изыскания.

Футурологию можно классифицировать как *прикладное гуманитарное знание*, которое наследует такие черты гуманитарных наук, как качественный характер, использование недедуктивной формы объяснения (объяснение через типологизацию, аналогию и др.), интерпретацию эмпирического материала на основании тривиальных законов³ или предполагаемых (гипотетических) закономерностей — тенденций развития либо исторических законов (например, «закон» общественного прогресса). Не претендуя на точность и строгость, которую может обеспечить социальное прогнозирование, футурология обеспечивает моделирование различных перспектив, представление различных вариантов возможного будущего и их оценку. Такая познавательная деятельность предполагает

³ Ойзерман Т. И. Возможно ли предвидение отдаленного будущего? // Вестник РАН. 2005. № 8. — С. 720–726.

мысленное конструирование и экспериментирование, которые могут быть реализованы и в художественной форме. В случае с так называемой «научной» фантастикой само название отражает футурологическую направленность жанра — попытку конструировать социальные и технологические альтернативы, которые позволяет предположить текущий уровень научно-технического, а также социально-экономического и политико-правового развития. Поэтому такие фантастические произведения содержат некоторый футурологический компонент, хотя он может быть большим или меньшим и даже стремиться к нулю, о чем замечательно пишет С. Лем в своем исследовании футурологических возможностей фантастики и того, как эти возможности реализуются (или, как было бы правильнее сказать в отношении некоторых произведений: того, как они не реализуются)⁴.

Футурологическое произведение от фантастического отличает не столько степень участия воображения, сколько свобода, которую автор воображению предоставляет. В художественном творении методологическое нормирование не является ни обязательным, ни необходимым, тогда как футурология, несмотря на неудачу конституирования себя в качестве науки⁵, стремится к методологической рефлексии. Как правило, футурологическое сочинение либо включает в себя теоретико-методологический раздел, либо опирается на ранее осуществленную работу такого рода⁶. Подобная рефлексия может служить одним из критериев отличия футурологического произведения от фантастического.

В предисловии, которым предваряется роман «4338-й год...», Одоевский сам отмечает, что «Письма» — не просто игра воображения, но имеют научную основу, поскольку в них нет «ничего такого, существование чего не могло бы естественным образом быть выведено из общих законов развития сил человека в мире природы и искусства»⁷. Именно этот момент и позволяет говорить о рассматриваемом произведении как о футурологическом, поскольку мыслитель не просто фантазирует, но промышливает, что следует (может последовать) из имеющихся фактов, если принимать во внимание некоторые закономерности.

Одоевский скуп, но все-таки фиксирует то, что можно назвать методологией его художественного прогноза, или, согласно обоснованной ранее терминологии, его

⁴ Лем С. Фантастика и футурология: в 2 кн. — М.: ООО «Изд-во АСТ»; Ермак, 2004. Кн. 1. — 592 с. Кн. 2. — 667, [5] с.

⁵ Подробнее см.: Пирожкова С. В. Прогнозные и футурологические исследования: к вопросу разграничения компетенций // Философские науки. 2016. № 8. — С. 100–113.

⁶ См. подборку соответствующих фрагментов в: Впереди 20 век: перспективы, прогнозы, футурология: Антология современной классической прогностики 1952–1999 / Ред. сост. И. В. Бестужев-Лада. — М.: Academia, 2000. — 480 с.

⁷ Там же.

футурологического сценария⁸. Он отмечает, прежде всего, что придерживается теории общественного прогресса, причем такой, которая фиксирует ускоряющийся характер развития человечества: «Человечество... как брошенный сверху камень, который беспрестанно ускоряет свое движение»⁹. Таким образом, автор опирается в своих построениях на то, что мы назвали выше историцистским законом (его можно назвать квазизаконом исторической динамики). Отсюда сразу же делается футурологический вывод, что «будущим поколениям столько будет дела в настоящем, что они гораздо более нас раззнакомятся с прошедшим...»¹⁰. При этом Одоевский полагает, что природа человека в своем существе не может принципиально измениться: «Люди всегда останутся людьми, как это было с начала мира: останутся все те же страсти, все те же побуждения»¹¹. Данное утверждение можно назвать тривиальным законом, хотя в эпоху проектов улучшения и даже модификации человеческой телесности и интеллекта его тривиальность ставится под сомнение. Еще один «исторический закон» корректирует принятую Одоевским тривиальность: мыслитель предполагает в отношении людей, что «формы их мыслей и чувств, а в особенности их физический быт должен значительно измениться»¹². Как становится ясно из последующего изложения (см., например, фрагмент «Аэростаты и их влияние»), изменения будут связаны с развитием знания, именно новые знания откроют новые горизонты понимания («знания что») и умения («знания как»)¹³.

Представление о прогрессе знаний и технологий как движущем механизме социального развития — ключевое и роднящее научную фантастику и футурологию. Более того, оно объединяет их обеих с прогнозированием, которое в области прогноза технологий и качественных социальных изменений опирается на мысленное конструирование (в форме экспертных оценок или коллективных прогнозно-конструктивных процедур — экспертных панелей, конференций или воркшопов с применением мозговой атаки, морфологического и других эвристических методов) набора возможных сценариев будущего состояния —

⁸ Пирожкова С. В. Предсказание, прогноз, сценарий: к вопросу о разнообразии результатов исследования будущего // *Философия науки и техники*. 2016. № 2. — С. 111–129.

⁹ Одоевский В. Ф. 4338-й год: Петербургские письма. URL: http://az.lib.ru/o/odoewskij_w_f/text_0490.shtml (дата обращения: 12.02.2019).

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Одоевский пишет, что «все роды машин, независимо от прямой пользы, ими приносимой в их осуществлении, действуют на просвещение людей самым своим происхождением, ибо, во 1-х, требуют от производителей и ремесленников приготовительных познаний, и, во 2-х, требуют такой гимнастики для разумения, каковой вовсе не нужно для лопаты или лома» (Одоевский В. Ф. «4338-й год: Петербургские письма»).

желательных, нежелательных, нейтральных или нескольких наиболее вероятных. Поскольку речь идет о новых изобретениях и открытиях, появление которых должно дать социальный эффект, предвосхищение будущего реализуется только посредством конструирования возможных сценариев. Такие сценарии не предвосхищают самих научных или инженерных открытий, но указывают области знания и практики, где они могут быть получены, исходя, в частности, из уже имеющихся фундаментальных знаний или прикладных наработок и оцениваемого экспертами потенциала дальнейшего развития как первых, так и вторых, а также из существующих социальных запросов и ресурсных возможностей, делающих реалистичными одни исследования и разработки и нереалистичными — другие.

Одоевский делает и несколько специальных замечаний в заметках к «...Письмам». Так, он указывает на то, что футурологу (в терминах Одоевского это — «редкие» люди, которые «могут найти выражение для отдаленного будущего»¹⁴) следует разыскивать предпосылки (ростки) будущего, причем разыскивать именно «в себе те начала, которые должны развиваться не в нем, а в последующих за ним людях»¹⁵. Для этого нужно очиститься от господствующих представлений, от того, что можно назвать привычками мышления, и «предаться инстинктивному свободному влечению души», тогда футуролог «в последовательном ряду своих мыслей найдет непременно те мысли и чувства, которые будут господствовать в близкую от него эпоху»¹⁶. Одоевский указывает, как проделать такую внутреннюю работу: обратившись к истории природы и истории человечества. Если первая учит тому, что остается постоянным, вторая «есть каталог предметов, которые были и никогда не возвратятся»¹⁷. Предвидение складывается из экстраполяции, которая опирается на естествознание, и своеобразной исключаяющей деятельности, предполагающей, что уже бывшие формы должны смениться новыми. Это оригинальная мысль, и она не разделяется авторами классических футурологических сочинений, для которых историческая аналогия и принцип повторяемости в истории формируют значительную часть методологического арсенала¹⁸. Более того, она отчасти противоречит и футурологической стратегии самого Одоевского, принимающего тривиальный закон о неизменности сущности человека, — если человек всегда один и тот же, то и формы социальной жизни должны быть подобными. Однако данный методологический принцип оказывается эвристическим с той точки зрения, что именно чрезвычайная склонность представлять будущее по аналогии с прошлым и настоящим, абсолютизировать те моменты и тенденции, которые сегодня представляются многообещающими, зачастую подводит футурологов. Одним из методов развития мышления о будущем служит такая форма мысленного конструирования, когда человек пытается

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См., например: «Впереди 20 век: перспективы, прогнозы, футурология».

отвлечься от всего, к чему он привык, и представить нечто непредставимое, наименее похожее на уже существующее. Таким образом, человек оказывается способным немного приблизиться к феномену нового. В представлении Одоевского это новое связано с культурой и человеческой деятельностью, то есть со сферой искусственного, противопоставленной сфере естественного. Можно интерпретировать мысль Одоевского следующим образом: естественная история учит тому, что в силу природных законов невозможно, и вне этого мы вольны по сути допускать все, что угодно.

Обозначенная оптика предполагает, в том числе, что нам следует заниматься не только экстраполированием существующих тенденций, но поиском ограничений, проблем, всего препятствующего и угрожающего сохранению трендов. Именно зоны неопределенности и назревающие противоречия, создавая условия для кризисов и разрушения существующей структуры, открывают путь для появления принципиально новых феноменов. Заметим, что для современной футурологии и родственного ей направления исследований многовариантного будущего (англ. Futures Studies) характерна не только и не столько экстраполяция доминирующих тенденций, сколько ее дополнение методами конструктивного характера — разворачиванием перспектив из «слабых сигналов», более системным представлением текущей ситуации на основании SWOT-анализа¹⁹, поиском «джокеров» и «черных лебедей» и др. Таким образом, то, что предлагает русский мыслитель XIX в., предвосхищает эволюцию футурологии и соответствует самым современным тенденциям ее развития.

От противоречий науки и общества модерна к гармоничной организации. Футурологический характер произведения Одоевского и принятые им методологические принципы конструирования картины (модели) будущего общества позволяют русскому мыслителю работать с болевыми точками и проблемными аспектами современного ему социального развития. И это — причина, делающая роман «4338-й год...» актуальным в современном контексте. Одоевский строит свою модель, исходя из необходимости разрешить свойственные обществу модерна и возникшей в нем науке противоречия, с которыми мы вступили в XXI столетие. Так, полагая незыблемым принцип (можно было бы сказать: идеал) прогресса, мыслитель продумывает, в каких условиях прогресс может сохраниться, каким образом должны быть устроены общество и организация науки, чтобы человечество не впало в цивилизационную стагнацию или регресс.

Непосредственно футурологический роман русского мыслителя не содержит развернутой критики науки и культуры модерна, но опирается на такую критику, реализованную в других произведениях, в том числе в самом известном — романе «Русские ночи». Для Одоевского как философа-романтика очевидно, что угроза регресса связана

¹⁹ SWOT — Strengths, weaknesses, opportunities, threats.

с излишней прагматизацией жизни и приверженностью утилитарной позиции. Критика утилитаризма и жизни, в которой нет места идеальному (абстрактным идеям; ценностям, не сводящимся к практической выгоде; эстетической деятельности, никакого прямого практического выхода не имеющей), составляет болевой нерв его произведений. При этом Одоевский не связывает утилитаризм с наукой или эпохой Просвещения, а наоборот, понимает просвещение в неутилитаристском ключе. В «Сильфиде», одной из своих фантастических повестей (именно фантастических, но не футурологических), Одоевский от лица главного героя восклицает:

«Я понял ...отчего безнравственность так тесно соединена с невежеством, а невежество с несчастьем: ...чем более человек обращает внимания на свои вещественные потребности, чем выше ценит все домашние дела, домашние огорчения, речи людей, их обращение в отношении к нему, мелочные наслаждения, словом, всю мелочь жизни, — тем он несчастливее; эти мелочи становятся для него целью бытия; для них он заботится, сердится, употребляет все минуты дня, жертвует всею святынею души, и так как эти мелочи бесчисленны, душа его подвергается бесчисленным раздражениям; характер портится; все высшие, отвлеченные, успокоивающие понятия забываются; терпимость, эта высшая из добродетелей, исчезает, — и человек невольно становится зол, вспыльчив, злопамятен, нетерпящ; внутренность души его становится адом»²⁰. Обращаясь к наукам и искусствам, человек вырывается из животного состояния хотя бы в том смысле, что «человека образованного развлекает самая его образованность, и душа его по крайней мере не каждую минуту своего существования находится в полном унижении; музыка, картина, выдумка роскоши — все это отнимает у него время на низости...»²¹.

Однако состояние современной ему науки Одоевского не устраивает, поскольку вместо того, чтобы отвлекать внимание человека от «низостей», она сама погрязает в «низостях» — отказывается от поиска «общих начал», занимается лишь «второстепенными, случайными причинами», утрачивает привычку к «высшему движению духа»²². Отсюда, говорит Фауст, герой романа «Русские ночи», происходят два зла. Первое можно охарактеризовать как позитивистский подход. Он предполагает реальным только то, что может быть вербализировано, то есть рационализировано, словами Фауста, это «уверенность, что всякое ощущение души тогда только действительно существует, когда может быть

²⁰ Одоевский В. Ф. Сильфида // Одоевский В. Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Повести / Сост., коммент. В. И. Сахарова. — М.: Художественная литература, 1981. — С. 106–126. — С. 110.

²¹ Там же. С. 109.

²² Одоевский В. Ф. Русские ночи // Одоевский В. Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Русские ночи; Статьи / Вступит. статья, сост. и коммент. В. И. Сахарова. — М.: Художественная литература, 1981. — С. 31–246. — С. 221.

выражено словами»²³. Это приводит к материалистическому редукционализму: поскольку мы имеем имена прежде всего для материального, «то, что не подходит под ту или другую материальную форму, названо мечтою»²⁴.

В главе «Город без имени», где описываются расцвет и падение страны Бентамии, Одоевский ярко демонстрирует, что жесткое претворение в жизнь принципа полезности ведет не к всеобщему благу и не к умножению полезности, а к полному краху, к уничтожению всякой возможной выгоды для кого бы то ни было. Тем самым намечена тема своеобразной диалектики утилитарного и неутилитарного: в погоне за большей или более разумной выгодой, в постоянном калькулировании выгод человек достигает лишь полного банкротства, тогда как признание за неутилитарным права на существование парадоксальным образом способно предотвратить гибель страны победившего утилитаризма²⁵. Развивая эту мысль, Одоевский устами Фауста обосновывает онтологический примат нематериального над материальным: двигаясь от наиболее грубых природных сил, мы обнаруживаем, что в их основе лежат менее грубые, и, продолжая, обнаруживаем «неосязаемые, неисчислимы, не производящие никакой непосредственной пользы, — а между тем они-то и движут и держат в гармонии всю физическую природу»²⁶. Если попытаться избежать объективного или субъективного идеализма, то можно прийти к измененной марксистской формуле: хотя базис и определяет надстройку, обновление базиса в значительной степени зависит от состояния надстройки. В эпистемологическом ракурсе это означает, что получаемые знания определяются не только текущим опытом, но и теми теоретическими конструкциями, которыми пользуется ученый, или теми предвосхищениями, предположениями, ожиданиями и предустановками, которые формируют границы обыденного познания. Теоретические конструкции, так же как предустановки обыденного познания, всегда недоопределены и предшествующим опытом, являются выходом за его пределы, разновидностью научного предвидения²⁷. Поэтому можно утверждать, что Одоевский верно понял невозможность для науки ограничиваться рамками непосредственного опыта и наличных причин наблюдаемых

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Заметим, что Одоевский не видит возможности более изощренной защиты утилитаризма, который может признать бесполезное как то, что не дает непосредственной материальной выгоды, но полезно, поскольку обеспечивает стабильность социальной системы, а значит, служит условием для получения материальной пользы.

²⁶ Там же. С. 111.

²⁷ Подробнее см.: Пирожкова С. В. Предвидение как эпистемологическая проблема. — М.: ИФ РАН, 2015. — 245 с.

процессов. История развития науки и рефлексии над ней подтвердила его правоту, тогда как позитивизм (во всех своих исторических формах) обнаружил границы применимости²⁸.

Что касается социально-философской и философско-антропологической интерпретации принципа примата нематериального над материальным, то он предполагает, что нематериальное оказывается определяющим и направляющим для жизни отдельного человека и человеческих коллективов, если же это где-то и когда-то бывает не так, то перед нами вырождающееся общество и регрессирующий человек. Такого человека Одоевский в романе «Русские ночи» называет «сухим». «...Закон растения, целиком перенесенный на почву человеческую, — заявляет Фауст, — обращается в бессмысленный педантизм и сушит сердце. Такого педанта нельзя назвать злым, в собственном смысле этого слова; сухой человек не сделает зла без нужды и сделает его без всякого для себя удовольствия...»²⁹. Здесь можно усмотреть критику позитивизма не только как программы развития науки, но и как общего умонастроения, проповедующего отказ от метафизики как чего-то ненужного и вредного.

К регрессу ведет и второе зло современной Одоевскому науки — «гибельная специальность, которая ныне почитается единственным путем к знанию, — и обращает человека в камер-обскуру, вечно наведенную на один и тот же предмет»³⁰. Далее Одоевский пишет, что «от этих двух зол раздор и разрозненность в науке и в жизни; от них — анархия, споры нескончаемые и труды бессвязные; от них бессилие человека пред природой»³¹: «общая, живая связь наук потерялась»³².

Таким образом, наука в своем позитивистском варианте ничего хорошего обществу принести не может и ведет не к прогрессу, а к регрессу. Однако именно наука — важнейшая ценность общества, модель которого Одоевский конструирует в романе «4338-й год...». Ипполит Цунгиев, китаец, от лица которого идет повествование, пишет о русских и об их технических свершениях: «...они так верят в силу науки и в собственную бодрость духа, что для них летать по воздуху то же, что нам ездить по железной дороге»³³. «Удивительная ученость и еще более удивительная изобретательность»³⁴ трактуются в качестве фундамента,

²⁸ Хотя и сегодня точка зрения на познание как на упорядочивание опыта остается в философии науки весьма авторитетной, повсеместно признается, что упорядочивание включает производство и использование не сводимых к эмпирии инструментов. Поэтому естественникам-экспериментаторам приходится терпеть естественников-теоретиков, пусть и периодически с удовольствием спуская их с облаков на землю.

²⁹ Одоевский В. Ф. Русские ночи. — С. 145.

³⁰ Там же. С. 221.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 226–227.

³³ Одоевский В. Ф. 4338-й год: Петербургские письма.

³⁴ Там же.

как бы сегодня сказали, будущего мирового лидерства России, оставившей далеко позади и Китай, и США. О своем социальном статусе Цунгиев пишет, что не может претендовать на расположение понравившейся ему дамы, поскольку еще «не ознаменовал себя каким-нибудь ученым открытием, и потому считаюсь недорослем»³⁵. Во «Фрагментах», примыкающих к «...Письмам», находим замечание, что мужчина, «чтобы удостоиться руки женщины, должен сделать какое-либо важное открытие в науках, как прежде ему должно было отличить себя на турнирах и битвах»³⁶. Впрочем, наука, имеющая в обществе будущего такой высокий социальный статус, существенно отличается от раздробленной и позитивистски ориентированной науки, которую критикует Одоевский в романе «Русские ночи».

Наука будущего вписана в гармонично устроенную систему познавательной и созидательной (технической в понимании, близком к смыслу греческого «технэ») деятельности. Эта система опирается на иерархическую организацию общества, разделенного на сословия. Сословия формируются по профессиональному, или дисциплинарному принципу: географы, физики, историки, философы, поэты и т. д. Чем более специализированным, частным является эпистемический интерес некоторого сословия, тем ниже оно располагается в общественной и научной иерархии, и наоборот, чем шире такой интерес, тем выше ступень в иерархии. Таким образом, социальная иерархия в действительности оказывается эпистемической, выстраиваясь от основания, объединяющего «простые грубые опыты», до вершины, увенчанной «вдохновением» поэта и «мышлением» философа. Подобная иерархия, предполагая отношения руководства–подчинения, одновременно указывает на оптимальную организацию различных видов познавательной деятельности, среди которых, по сути, нет «низких» и «высоких» в ценностном смысле — познание «простого испытателя» столь же необходимо, как широкое по охвату, системное видение философа, поскольку каждое в отдельности без всех остальных — ущербно. Другими словами, ценностью обладает целостная система познавательной деятельности, а не какая-то ее дисциплинарная составляющая.

Современного читателя не может не удивить присутствие в перечне сословий и специализаций познавательной деятельности профессии поэта (как очевидно из приведенного описания общества XLIV в., поэт при предполагаемой социальной организации — не только призвание, но и профессия, определяющая социальный статус). Нельзя не задаться вопросом: разве поэзия — не искусство, причем такое, которое, как кажется, даже нельзя отнести к широкому пониманию техники? Однако если вдуматься, то такое восприятие поэзии обязано утилитарному и позитивистскому мирозерцанию, несостоятельность которого Одоевский последовательно выявляет в романе «Русские ночи».

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

Поэзия, по Одоевскому, во-первых, — незаменимая составляющая жизни:

«человек... никак не может отделаться от поэзии; она, как один из необходимых элементов, входит в каждое действие человека, без чего жизнь этого действия была бы невозможна... в мире психологическом поэзия есть один из тех элементов, без которых древо жизни должно было бы исчезнуть; оттого даже в каждом промышленном предприятии человека есть quantum поэзии, как, наоборот, в каждом чисто поэтическом произведении есть quantum вещественной пользы»³⁷.

Другими словами, любая техническая деятельность и любое техническое произведение имеет отвлеченный, возвышенный смысл, содержит, помимо материального, нематериальное, которое, как мы помним, по Одоевскому и вовсе первично. На примере судьбы Бентамии Одоевский показывает утилитарное значение (или, скажем нейтральнее, необходимость для жизни) поэзии, изгнанной бентамитами из своей страны:

«Нечему было оживить борьбу человека; нечему было утешить его в скорби. Божественный, одушевляющий язык поэзии был недоступен бентамиту. Великие явления природы не погружали его в ту беспечную думу, которая отторгает человека от земной скорби. Мать не умела завести песни над колыбелью младенца. Естественная поэтическая стихия издавна была умерщвлена корыстными расчетами пользы. Смерть этой стихии заразила все другие стихии человеческой природы; все отвлеченные, общие мысли, связывающие людей между собой, показались бредом; книги, знания, законы нравственности — бесполезною роскошью...»³⁸.

Примечательно, что бентамиты удаляют все, в чем обнаруживается толика поэзии: «Все, в ком нашлась хотя искра божественного огня, были, как вредные мечтатели, изгнаны из города», в том числе ученые³⁹.

Во-вторых, у поэзии есть эпистемические функции. В эпилоге «Русских ночей» Одоевский намечает уже упомянутое противопоставление познания природы и познания человеческой истории. Пользуясь метафорой, принадлежащей средневековой философии, он противопоставляет книге Природы не книгу Откровения, а Человека. Одоевский подчеркивает взаимосвязь этих книг и то, что «одна объясняет другую», и в то же время замечает, что первая книга помогает читать вторую, тогда как, научившись читать вторую, без первой можно и обойтись⁴⁰. Кроме того, русского мыслителя можно понять в том смысле, что человек — книга не только малоизученная и непонятная, написанная «на языке мало известном и тем более трудном, что еще не составлено для него ни словаря, ни грамматики»,

³⁷ Одоевский В. Ф. Русские ночи. — С. 64–65.

³⁸ Там же. С. 104.

³⁹ Там же. С. 105.

⁴⁰ Там же. С. 239.

но и незавершенная, не приобретающая (в отличие от природы) законченного вида, поскольку она и не совсем книга, а — «рукописная тетрадь»⁴¹. Поэзия — это путь познания и одновременно творчества этой неоконченной книги, ее прояснения. Именно в себе, а не вовне человек должен искать основания для жизни и различных видов деятельности, включая познавательную (вспомним принцип работы футуролога, о котором говорилось выше). Одоевский формулирует эту задачу следующим образом:

«Великое дело понять свой инстинкт и чувствовать свой разум! В этом, может быть, вся задача человечества. Пока эта задача не для всех разрешена, пойдем отыскивать те указки, которые какая-то добрая нянюшка дала в руки нам, рассеянным, ветреным детям, чтобы мы реже принимали одно слово за другое. Одна из таких указок называется у людей творчеством, вдохновением, если угодно, поэзией»⁴².

Далее русский мыслитель указывает, что поэзия способна дать науке эвристические идеи:

«При помощи этой указки род человеческий... выучил много весьма важных слов, например — что человек и человеческое общество есть живой организм. Удивительно, как люди не пошли далее при пособии этого слова, которое недаром вылетело из светлого мира поэзии и ярко блеснуло в темном мире науки...»⁴³.

Метафору организма, которую обсуждает герой «Русских ночей» Фауст, можно рассматривать как предтечу концепта «система» и предвосхищение концептуальной роли биологических понятий в современной науке. То, что позволяет схватить поэзия в отличие от специального научного знания, — интуиция целостности. Это и роднит ее с философией, ставя в общественной иерархии XLIV в. на одну ступень. Поэт, опираясь на вдохновение, на интуицию не только интеллектуальную, но объединяющую эмоциональное, образное, ассоциативное восприятие реальности, способен достичь глубины и масштабности, которых философ достигает посредством возможностей мышления. Сегодня мы можем сказать, что поэт и философ олицетворяют такого познающего субъекта, который способен к системному мышлению, поэтому он призван задавать направление исследований и их общий план, тогда как те, кто владеет более частными знаниями, призваны обеспечивать проработку, корректировку, подтверждение или опровержение обобщающих гипотез и универалистских идей.

Именно различия возможностей системного и универсального представления реальности ложатся в основу отношений ученых (и общественных) сословий, а взаимодополняемость универсальных и специальных, общих и конкретных знаний

⁴¹ Там же. С. 239.

⁴² Там же. С. 238.

⁴³ Там же.

становится условием, гарантирующим социальное единство и преодоление раздробленности внутри науки. Российский историк ХLIV в. Хартин объясняет Ипполиту Цунгиеву:

«В глубочайшей древности встречаются жалобы на излишнее раздробление наук; десятки веков протекли, и все опыты соединить их оказались тщетными, — ничто не помогло — ни упрощение метод, ни классификация знаний. Человек не мог выйти из сей ужасной дилеммы: или его знание было односторонне, или поверхностно»⁴⁴.

В этой характеристике еще раз подчеркивается несостоятельность позитивистской программы развития науки — на сей раз проекта единства знания. Как известно, О. Конт видел задачу науки в построении системы позитивной философии, призванной прийти на смену двум предшествующим формам систематизации человеческого знания и одновременно человеческой жизни — теологической и метафизической системам. Позитивистская стратегия организации целостной системы научного знания посредством классификации дисциплинарных знаний и очищения их от метафизических элементов сохранялась в качестве идейной матрицы не только первого, но и второго и третьего позитивизма⁴⁵.

Раздробленность, по словам Хартина, сохранялась до тех пор, пока правитель России и поэт по профессии не обнаружил, что научное сообщество организовано так, что «естественным образом одно сословие подчинилось другому», и не «решился, следуя сему естественному указанию, соединить эти различные сословия не одною ученою, но и гражданскою связью». В описании Хартина выглядит это так:

«...к удостоенному звания поэта или философа определяется несколько ординарных историков, физиков, лингвистов и других ученых, которые обязаны действовать по указанию своего начальника или готовить для него материалы: каждый из историков имеет, в свою очередь, под своим ведением несколько хронологов, филологов-антиквариев, географов; физик — несколько химиков, ...ологов, минерологов, так и далее. Минеролог и пр. имеет под своим ведением несколько металлургов и так далее до простых копиистов [...] испытателей... От такого распределения занятий все выигрывают: недостающее знание одному пополняется другим, какое-либо изыскание производится в одно время со всех различных сторон; поэт не отвлекается от своего вдохновения, философ от своего мышления — материальною работою. Вообще обществу это единство направления ученой деятельности принесло плоды невероятные; явились открытия неожиданные, усовершенствования почти сверхъестественные — и сему, но единству в особенности,

⁴⁴ Одоевский В. Ф. 4338-й год: Петербургские письма.

⁴⁵ См. подробнее: Локтионов М. В. Александр Богданов между марксизмом и позитивизмом. — М.: ИФРАН, 2018. — 138 с. Нельзя не сказать, что в «Системе позитивной политики» сам Конт приходит к построению комплексного проекта целостного мировоззрения и устройства общества сообразно этому мировоззрению (т. е. конкретному варианту систематизации знания и жизни).

мы обязаны теми блистательными успехами, которые ознаменовали наше отечество в последние годы»⁴⁶.

Футурологическая успешность и утопический потенциал романа «4338-й год...». Как следует из рассмотренного выше, в романе «4338-й год...» концепт цельного знания представлен в своей процессуальной форме — целостного познания. Не предлагая радикального синтеза веры и знания, Одоевский проводит в своем произведении идею построения (и постоянного развития) цельного научного мировоззрения, которое предполагает философское обобщение, что сегодня находит воплощение в дисциплинарной структуре науки, и поэтический синтез, что, наоборот, кажется, не имеет какой-либо реализации. Впрочем, если вспомнить, что русский мыслитель синонимизирует поэзию с творческим началом, то в современной фундаментальной и прикладной науке, а также инженерии немало поэзии, только выступает она под именами «креативности» или «творческого воображения». Верно и то, что поэзия в этом смысле всегда была присуща научному познанию и научно-технической деятельности.

Экспликация значения творческого, поэтического компонента и его места в структуре организации познавательной деятельности — оригинальная идея Одоевского, заслуживающая особого внимания. Она звучит особенно актуально в контексте современной тенденции оптимизации научной работы, в том числе посредством мер жесткого планирования и формальной отчетности. Здесь нельзя не заметить, что в обществе XLIV в. не экономическая целесообразность предписывает формы организации науки, а, напротив, наблюдение за тем, как организован коллективный субъект научного познания, обнаруживает модель организации всего общества. Принципиальной является также мысль о том, что науке для достижения наибольших результатов недостаточно внутренней организации, требуются адекватные социальные условия. Так, применительно к критике Одоевским современной ему социокультурной ситуации это означает, что нельзя выстроить единство научного знания в обществе, лишенном социального единства. Реализация общих задач сообразно возможному вкладу каждого участника при взаимном уважении ведет к той профессиональной и гражданской солидарности, которая оказывается важнейшей сквозной идеей отечественной социально-философской мысли. Взаимное уважение в свою очередь естественно проистекает из понимания необходимости каждого — от землекопа с его

⁴⁶ Одоевский В. Ф. 4338-й год; Петербургские письма.

грубыми опытами и копииста, от которого не требуется креативности, до поэта со всеми свойственными его деятельности причудами⁴⁷.

Футурологический сценарий Одоевского, с одной стороны, вполне адекватно описывает тенденцию развития науки, в которой все больший вес приобретают междисциплинарные исследования, в том числе подразумевающие взаимодействие представителей естественных и социогуманитарных наук (к таковым относятся комплексные исследования человека и исследования в области разработки новых технологий⁴⁸). С другой стороны, модель общества XLIV в. задает определенный социальный и эпистемический идеал, предлагая иерархическую организацию деятельности по принципу системности и обобщающего характера, и такой идеал сегодня реализуется лишь в ограниченном масштабе. Системный подход и системное мышление продолжают оставаться методологическим ресурсом, не используемым в полной мере не только в России, но и во всем мире. Организмическая метафора, которую Одоевский связывает с поэтическим откровением, и принцип целостности играют в этом контексте определяющую роль⁴⁹. Помимо необходимости развивать прикладное знание в направлении усиления системного подхода, принцип поэтических прозрений и синтеза имеет значение и для организации фундаментальных исследований: с тем, чтобы они были направлены на выработку целостного понимания природы, общества и человека, а не на создание фундамента для техники и технологий.

В небольшом по объему и неоконченном произведении Одоевского содержится много прозрений — начиная от предвосхищения социального облика современных коммуникационных технологий и кончая феноменом блогеров-непрофессионалов, претендующих на выполнение функций экспертного сообщества. Эти факты свидетельствуют о футурологической успешности романа «4338-й год...», тогда как содержащаяся в нем социальная модель и предлагаемые эпистемические принципы

⁴⁷ Вот как Одоевский характеризует поэта в романе «Русские ночи»: «...вместе с творческим даром, дала ему и все причуды поэта: и эту врожденную страсть к независимости, и это непреодолимое отвращение от всякого механического занятия, и эту привычку дожидаться минуты вдохновения, и эту беззаботную неспособность рассчитывать время. Прибавьте к тому всю раздражительность поэта, его природную склонность к роскоши, к этому английскому приволью, к этому маленькому тиранству, которыми, наперекор обществу, природа любит отличать своего собственного аристократа! Он не мог ни переводить, ни работать на срок или по заказу» (Одоевский В. Ф. Русские ночи. — С. 128).

⁴⁸ См., например: Пирожкова С. В. Социогуманитарное обеспечение технологического развития: каким ему быть? // Вестник РАН. 2018. — С. 444–454.

⁴⁹ См., например: Jereb B., Ivanuša T., Rosi B. Systemic thinking and requisite holism in mastering logistics risks: the model for identifying risks in organisations and supply chain // *Amfiteatru Economic*. Vol. XV. № 33. — P. 56–73.

позволяют говорить не только об актуальном футурологическом значении этого сочинения, но и о его утопической составляющей. Речь идет о метафизике социального, о конструировании основных понятий и идеальных объектов, позволяющих критически осмыслить существующую социальную реальность и выработать основания для ее дальнейшего развития⁵⁰. Скупость изложения требует развития (разумеется, критического, предполагающего проверку жизнеспособности) предлагаемой Одоевским модели в русле поиска новых концептуальных оснований и организационных форм для науки, культуры и общества.

Литература

Вперед 20 век: перспективы, прогнозы, футурология: Антология современной классической прогностики 1952–1999 / Ред. сост. И. В. Бестужев-Лада. — М.: Academia, 2000. — 480 с.

Лем С. Фантастика и футурология: в 2 кн. — М.: ООО «Изд-во АСТ»; Ермак, 2004. Кн. 1. 592 с. Кн. 2. — 667, [5] с.

Локтионов М. В. Александр Богданов между марксизмом и позитивизмом. — М.: ИФРАН, 2018. — 138 с.

Одоевский В. Ф. 4338-й год: Петербургские письма. — URL: http://az.lib.ru/o/odoewskij_w_f/text_0490.shtml (дата обращения: 12.02.2019).

Одоевский В. Ф. Русские ночи // Одоевский В. Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Русские ночи; Статьи / Вступит. статья, сост. и коммент. В. И. Сахарова. — М.: Художественная литература, 1981. — С. 31–246.

Одоевский В. Ф. Сильфида // Одоевский В. Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Повести / Сост., коммент. В. И. Сахарова. — М.: Художественная литература, 1981. — С. 106–126.

Ойзерман Т. И. Возможно ли предвидение отдаленного будущего? // Вестник РАН. 2005. № 8. — С. 720–726.

Пирожкова С. В. Предвидение как эпистемологическая проблема. — М.: ИФ РАН, 2015. — 245 с.

Пирожкова С. В. Предсказание, прогноз, сценарий: к вопросу о разнообразии результатов исследования будущего // Философия науки и техники. 2016. № 2. — С. 111–129.

Пирожкова С. В. Прогнозные и футурологические исследования: к вопросу разграничения компетенций // Философские науки. 2016. № 8. — С. 100–113.

Пирожкова С. В. Социогуманитарное обеспечение технологического развития: каким ему быть? // Вестник РАН. 2018. — С. 444–454.

⁵⁰ Черткова Е. Л. Утопия как «философский проект» // Вопросы философии. 2015. № 5. — С. 190–201.

Черткова Е. Л. Утопия как «философский проект» // Вопросы философии. 2015. № 5. — С. 190–201.

Jereb B., Ivanuša T., Rosi B. Systemic thinking and requisite holism in mastering logistics risks: the model for identifying risks in organisations and supply chain // Amfiteatru Economic. Vol. XV. № 33. — P. 56–73.

References

Vperedi 20 vek: perspektivy, prognozy, futurologija: Antologija sovremennoj klassicheskoj prognostiki 1952–1999 [XX century ahead: prospects, forecasts, futurology: Anthology of contemporary prognostics 1952–1999] / Ed. by I.V. Bestuzhev-Lada. Moscow: Academia Publ., 2000. 480 p.

Lem, S. *Fantastika i futurologija: v 2 kn.* [Science fiction and futurology: in 2 books]. Moscow: OOO «Izd-vo AST» Publ.; Ermak Publ., 2004. Book 1. 592 p. Book 2. 667, [5] p.

Loktionov, M. V. *Aleksandr Bogdanov mezhdru marksizmom i pozitivizmom* [Aleksandr Bogdanov between marxism and positivism]. Moscow: IFRAN Publ., 2018. 138 p.

Odoevskij, V. F. 4338-j god: Peterburgskie pis'ma [4338: St. Petersburg' letters]. URL: http://az.lib.ru/o/odoewskij_w_f/text_0490.shtml [access on 12.02.2019].

Odoevskij, V. F. «Russkie nochi» [Russian nights], in: V. F. Odoevskij, *Sochinenija: v 2 t. T. 1. Russkie nochi; Stat'i* [Works in 2 vols. Vol. 1. Russian night; Articles], introductory article, comp. i comment. by V. I. Saharova. Moscow: Hudozhestvennaja literature Publ., 1981. Pp. 31–246.

Odoevskij, V. F. «Sil'fida» [Silfida], in: V. F. Odoevskij *Sochinenija: v 2 t. T. 2. Povesti* [Works in 2 vols. Vol. 2. Novels], introductory article, comp. i comment. by V. I. Saharova. Moscow: Hudozhestvennaja literature Publ., 1981. Pp. 106–126.

Ojzerman, T. I. «Vozmozhno li predvidenie otdalennogo budushhego?», *Vestnik RAN*, 2005, no. 8, pp. 720–726.

Pirozhkova, S. V. *Predvidenie kak jepistemologicheskaja problema* [Foresight as epistemological problem]. Moscow: IF RAN Publ., 2015. 245 p.

Pirozhkova, S. V. «Predskazanie, prognoz, scenarij: k voprosu o raznoobrazii rezul'tatov issledovanija budushhego» [Prediction, forecast, scenario: on question about diversity of prognostic research' results], *Filosofija nauki i tehniki*, 2016, no. 2, pp. 111–129.

Pirozhkova, S. V. «Prognozyne i futurologicheskie issledovanija: k voprosu razgranichenija kompetencij» [Forecasting and futurology: on question about separation of competences], *Filosofskie nauki*, 2016, no. 8, pp. 100–113.

Pirozhkova, S. V. *Sociogumanitarnoe obespechenie tehnologicheskogo razvitija: kakim emu byt'?* [Socio-Humanistic Support for Technological Development: What Should It Be Like?], *Vestnik RAN*, 2018, no. 5, pp. 444–454.

Chertkova, E. L. Utopija kak «filosofskij proekt» [Utopia as philosophical project], *Voprosy filosofii*, 2015, no. 5, pp. 190–201.

Jereb, B., Ivanuša, T., Rosi, B. «Systemic thinking and requisite holism in mastering logistics risks: the model for identifying risks in organizations and supply chain», *Amfiteatru Economic*, vol. XV, no. 33, pp. 56–73.

The ideal of whole knowledge as a principle of the organization of science and society: a glance at 4338 from the beginning of the XXI century⁵¹

Pirozhkova S. V.,
Institute of philosophy RAS

Abstract: The paper analyzes the model of the scientific activity and social order organization, presented in the unfinished novel by V. F. Odoevskij «4338: St. Petersburg' letters». It is shown that the novel has a futurological character and futurological success. The methodological principles articulated by Odoevskij are analyzed in detail, it is shown how these principles allow anticipating the general direction of development of organizational forms of scientific activity, some conceptual shifts in understanding the essence of scientific knowledge, as well as several social innovations. The author compares Odoevskij's methods of anticipating the future and methodological tools, used by classical futurology, on one hand, and Futures studies — on the other. It is proved that since Odoevskij constructs his futurological scenario in response to the contradictions in the development of modern science and modern society revealed by him earlier, this scenario has not only a prognostic, but also a utopian value — as an ideal model of the structure of science as a cognitive activity and as a social institution, which is capable to give fruitful principles of the organization of society as a whole.

Keywords: V. F. Odoevskij, whole knowledge, science, society, futurology, specialization, utopia, poetry, philosophy.

⁵¹ The research is granted by Russian Science Foundation, project No 19-78-00134.